

М.Г. Шарихина
Институт лингвистических исследований РАН

НАИМЕНОВАНИЯ ЛЖЕДМИТРИЯ I В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА (ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ)

В статье рассматриваются вопросы лексикографического описания наименований Лжедмитрия I в рамках «Словаря антропонимов в русской поэзии XVIII в. (на материале панегирических жанров)». В панегирической поэзии большинство наименований Лжедмитрия I относится к Г. Отрепьеву, который в литературе XVIII в. устойчиво с ним отождествлялся. Результатом такого отождествления стало образование контаминированного наименования *притворный Димитрий Рострига*, которое встречается в прозе Феофана Прокоповича. Это позволяет дать в «Словаре» их общее семантическое описание. Среди наименований Г. Отрепьева встречается лексема *расстрига*, которая проявляет в поэзии Г.Р. Державина лексико-семантические и грамматические признаки имени собственного. Привлечение материала непанегирических жанров позволяет во многих случаях прояснить семантику исследуемых лексем.

Антропоним, лексикографическое описание, панегирическая поэзия, литература XVIII в., Лжедмитрий.

В отделе «Словарь языка М.В. Ломоносова» ИЛИ РАН в настоящее время ведется работа по созданию «Словаря антропонимов в русской поэзии XVIII в. (на материале поэтических панегирических жанров)»¹. Настоящая статья посвящена рассмотрению вопросов лексикографического описания наименований Лжедмитрия I, которое предполагается осуществить в рамках указанного словаря.

В панегирической поэзии этот герой русской истории упоминается редко (зафиксировано всего 4 употребления). Приведем контексты:

(1) «К претяжкому России стону / И к скорби всех ее сынов, / Дерзнул тогда коснуться трону / Убийца царский Годунов, / Потом, злодей и раб безбожный, / Низверг его **Димитрий ложный** / И начал россос угнетать. / О, страх, о, скорбь, о, тяжки раны, / Владеют россами тираны, / И им против не могут стать» (5, с. 193);

(2) «Тогда бич здешних стран, преемник **Гришки**, Смерда, / Соотчич Разина, разбойника злосерда, / Свирепый, злобный тигр, рыкающий на лов, / Как сонмы многих вод, вломился Пугачов» (3, т. III, с. 320);

(3) «**Разстриги**, Кромвели, Надиры, / Вельможи злые и цари / Для хвал своих имеют лиры, / Для обожанья алтари» (3, т. I, с. 320);

(4) «На троне Филарет, в темнице, / Как праведник, всегда почтен. / В пыли **Отрепьев**, в багрянице, / Как изверг, завсегда презрен» (3, т. I, с. 534).

В приведенных цитатах Лжедмитрий I напрямую указан только в первом примере (*Димитрий ложный*), в других контекстах приводятся наименования Григория Отрепьева, дьяка Чудова монастыря, с которым традиционно отождествляют Лжедмитрия I.

В составляемом словаре описание предполагает соотнесение поэтических персонажей и их реальных прототипов. Так, в качестве заголовочной формы принимается энциклопедическая форма имени, а семантическое описание базируется на энциклопедических сведениях, которые заимствуются из авторитетных энциклопедий и словарей [9, с. 84]. Принятый принцип не позволяет объединить в одной словарной статье Лжедмитрия I и Григория Отрепьева. Действительно, номинации *Гришка*, *расстрига* и *Отрепьев* соответствуют только одному историческому лицу – Григорию Отрепьеву. В то же время наименование *Димитрий ложный* не имеет непосредственного денотата, поэтому получает лексическое описание в рамках статьи «Лжедмитрий I», который в словаре имеет опосредованную семантику – «Самозванец, выдававший себя за погибшего царевича Дмитрия с целью занять русский престол; русский царь (1605–1606)». Отсутствие прямого денотата, а также появление в период русской Смуты нескольких самозванцев, мотивирует в русской литературе XVIII в. употребление наименований *лжедмитрий*, *Псевдодимитрий*, *ложный Димитрий (Дмитрий)* во множественном числе, которые встречаются в церковной прозе, например:

(5) «Третие, что и наипаче, по прошествии оной непогоды, какая была на Москве от смятения **лжедмитриев**, и разорения Поляков, когда Бог возвел на Российское царство Благочестиваго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича» (8, т. VI, с. 21);

(6) «иногда же у своих **Псевдодимитриев** прибежища себе искал <корабль Отечества>» (2, с. 35).

В то же время Лжедмитрий I и Григорий Отрепьев отождествляются большинством исследователей современной историографии, а в особенности официальной историографии XVIII в. Приведем примеры:

(7) «Наконец самозванец Гришка Расстрига, назвавшись царевичем Димитрием убиенным, помощью

¹ Подробное описание проекта словаря (материала, принципов составления и других аспектов) представлено в статье Е.М. Матвеева [9].

поляков, казаков и отступивших от царя Бориса россиянин приблизился к Москве» (4, с. 330);

(8) «Емельян Пугачев, скитавшийся пред сим в Польше, по примеру прежнего государственного злодея и предателя Гришки Расстриги, отважившись, даже без всякого подобия и вероятности, взять на себя имя покойного императора Петра III, тем не меньше предупредил в своем изменническом и злодейском умысле» ([Екатерина II]. Манифесты и Указы, относящиеся к пугачевскому бунту (1773) (7).

Такое отождествление было свойственно и исторической прозе, например:

(9) «Внезапу тогда открылся вепрь дивий из дубравы, или паче злейшее ада исчадие, Гришка Отрепьев, который присвоив себе имя блаженнаго Царевича Димитрия, яко пес безстыдный дерзнул вскочить на царский престол» (8, т. III, с. 110);

(10) «не стало правилнаго наследника, zde Годуновы, zde чернец прелестник Атрепиев, zde Владислав королевич полски свататися на тебе (России – М. Ш.) начал» (1, с. 369).

Результатом устойчивого сближения Лжедмитрия I и Григория Отрепьева в русской словесности XVIII в. стало образование контаминированного наименования *притворный Димитрий Рострига*:

(11) «Много же мучительствовав (Борис Годунов – М. Ш.), но и сам войною польскою от притворнаго Димитрия Ростриги удручен. Скончася в лето 1604» (Феофан Прокопович «Родословие», в статье: [6, с. 46]).

При этом частью антропонима можно считать и устойчивый эпитет *притворный*, который вместе с именем *Димитрий* можно рассматривать в качестве лексического варианта наименования *Лжедмитрий*.

Таким образом, материал панегирической литературы позволяет уточнить соотношение наименований Лжедмитрия I и Григория Отрепьева в антропонимическом пространстве русской словесности XVIII в.

В контексте (3) из оды Г.Р. Державина «На коварство французскаго возмущения и в честь князя Пожарскаго» слово *расстрига* (вариант *разстрига*) проявляет лексико-семантические и грамматические признаки имени собственного. Во-первых, оно употреблено в ряду имен собственных, которые объединены в стихотворении общим гиперонимом *цари*. Отнесенность наименования *расстрига* к одному реальному лицу подтверждается автокомментарием Г.Р. Державина в «Объяснениях Державина на его сочинения»: «Разстриги, Кромвели, Надиры. – Гришка Отрепьев, или Разстрига, известный похититель российского престола» (3, т. III, с. 629). Во-вторых, употребление лексемы *расстрига* во множественном числе свидетельствует о ее апеллятивации². Подобное использование наименования *Лжедмитрий* не имело бы того же результата, так как соответствовало бы реальной исторической ситуации (появление на престоле нескольких Лжедмитриев). Итак, приобретение черт имени нарицательного становится возможным только в том случае, если лексема *расстрига* прежде являлась именем собственным.

² В создаваемом «Словаре» употребление имени собственного в значении нарицательного рассматривается в качестве тропа антономазии [9, с. 88].

Слово *расстрига* (вариант *рострига*) используется для наименования Лжедмитрия I в ораторской прозе Гавриила Бужинского (1, с. 464) и Гедсона Криновского (2, с. 35). В связи с этим заслуживает внимания и то, что в «Национальном корпусе русского языка» все употребления слова *расстрига* в литературе, созданной в период с 1700–1801 гг. (всего 5 употреблений), относятся к Г. Отрепьеву и Лжедмитрию I и в большинстве случаев являются единственным идентификатором этого исторического лица, например:

(12) «Но продолжительно бы было при каждом Государѣ продолжать сіе изчисление; довольно естли вѣдаемъ, что при Царѣ Ѳеодорѣ іоанновичѣ вѣдшее число было Окольныхихъ 12; при Царѣ Борисѣ Годуновѣ 17; при **Разстригѣ** 18; при Царѣ Васильѣ Ивановичѣ Шуйскомѣ 18 же» (Ф.И. Миллер «Известие о дворянах российских»; (7));

(13) «Во мне зрится непространное и нехорошее здание старинного дворца за золотой решеткой; там царь Иоанн Васильевич жил; там видно то окошко, коим от грозящего ему наказания **расстрига** спастись хотел» (М.М. Щербатов «Прошение Москвы о забвении ея»; (7)).

Показательно, что лексема *расстрига* является основным наименованием Г. Отрепьева и в языке М.В. Ломоносова, где в 6 случаях используется существительное *расстрига* (в одном из них в составе сложного наименования *самозванец Гришка Расстрига*), в 2 случаях – прилагательное *расстригин*, например:

(14) «Федор Борисович Годунов по смерти отца своего наречен на царство от всех чинов московского народа, который ему и учинил присягу. Однако в войске большая часть бояр взволновались и предались **Расстриге** почти со всеми полками. **Расстрига** приказал в Москве искоренить Годуновых, и посланные царя Федора умертвили и с матерью, а сестру отдали **Расстриге**, которую он обругав постриг, и, в Москву пришед, женился на польке» (4, с. 330–331);

(15) «Погибель **Расстригина**. Перед Грановитою палатою поверженного **Расстригу** и многими ранами уязвленного и окровавленного за ногу веревкою тянут» (Там же, с. 371).

Изолированное употребление лексемы *Расстрига* для наименования и Г. Отрепьева, и Лжедмитрия I в исторических сочинениях М.В. Ломоносова, одного из важнейших писателей XVIII в., свидетельствует о том, что в русской словесности рассматриваемого периода эти герои русской истории устойчиво отождествлялись.

* * *

Материал панегирической поэзии XVIII в. отражает взгляд официальной историографии, согласно которому под именем Лжедмитрия I скрывался монах Григорий Отрепьев. Взаимодействие наименований обоих героев в русской словесности было столь тесным, что сформировало в ономастическом поле полностью совпадающие по своему денотату наименования. Это позволяет дать в «Словаре антропонимов в русской поэзии XVIII в. (на материале поэтических панегирических жанров)» их общее семантическое описание. Рассмотренный в статье материал пред-

ставляет определенный интерес не только с точки зрения семантики онимов, но и метода исследования их функционирования в панегирической поэзии. Принимая во внимание то, что большой пласт антропонимической лексики обычно исключался из словарного описания текстов XVIII века, а также тот факт, что «именно в это время в России идет интенсивное формирование ономастического поля как особой лингвистической и историко-культурной категории и складывается культурно-исторический антропонимический тезаурус европеизированной культуры» [9, с. 74], составители словаря решили включить в описание не только материал собственно панегирической поэзии, но и материал других жанров. Такое решение обусловлено необходимостью продемонстрировать «фон» и, как в рассмотренном в настоящей статье случае, объяснить семантическое описание лексем.

Источники

1. Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Издал по рукописи Московской Духовной Академии Евгений Петухов. – Юрьев: Тип. К. Матиссена, 1901.
2. Гедеон (Криновский), еп. Собрание поучительных слов, при высочайшем дворе сказываемых придворным проповедником, бывшим потом епископом Псковским и

Святейшего правительствующего Синода членом Гедеоном. Ч. 1–6. – Москва : Синод. тип., 1855. – Ч. 6. – 232 с.

3. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. – Т. 1–9. – Санкт-Петербург, 1864–1883.

4. Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений / М. В. Ломоносов. – Т. 6. – Москва; Ленинград, 1952.

5. Майков, В. И. Избранные произведения / В. И. Майков. – Москва; Ленинград, 1966 (Серия «Библиотека поэта»).

6. Моисеева, Г. Н. Печатное «Родословие» Феофана Прокоповича / Г. Н. Моисеева // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология : Ежегодник. 1978. – Ленинград, 1979. – С. 37–48.

7. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>. – Текст: электронный.

8. Платон (Левшин), митр. Поучительные слова при высочайшем дворе ея императорского величества благочестивейшия великия государыни Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския, и в других местах с 1763 года по 1778 год / митр. Платон (Левшин). – В 20 т. – Москва: [Сенат. тип.], 1779–1806.

Литература

9. Матвеев, Е. М. О проекте словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века / Е. М. Матвеев // Материалы метаязыкового семинара ИЛИ РАН. Выпуск 3. 2017–2019 годы. – Санкт-Петербург, 2020. С. 71–117.

M.G. Sharikhina

NAMES OF FALSE DMITRY I IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 18TH CENTURY (SPECIFICITIES OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION)

The article examines the issues of the lexicographic description of the names of False Dmitry I in the «Dictionary of Anthroponyms in Russian Poetry of the 18th century (based on panegyric genres)». In panegyric poetry, most of the anthroponyms refer to G. Otrepiev, who was steadily identified with False Dmitry I in the literature of the 18th century. The result of this identification was the formation of the contaminated name *pritvorny (false) Dimitry Rostriga*, which is found in the prose of Feofan Prokopovich. It makes it possible to give a general semantic description of False Dmitry I and G. Otrepiev in the Dictionary. Among the names of G. Otrepiev there is a lexeme *Rasstriga (Defrocked)*, which acquires lexical-semantic and grammatical features of a proper name in the poetry by G.R. Derzhavin. The use of the material from non-panegyric genres allows in many cases to clarify the semantics of the lexemes under study.

Anthroponym, lexicographic description, panegyric poetry, literature of the 18th century, False Dmitry.